

Бабы на базаре шушукались, перебирая тряпье:

— Чума идет, вчерась слыхала. В соседних селах уже мереть начали, не ровен час эта пакость к нам явится.

— Ты чего, Марфа, брешешь. Мой вчера оттуда приехал, ничего такого.

— Просто насупился и сидит весь день и молчит. Ты ж сама сказывала. В глазах тоска, а когда ест, замрет, задумается. Только ложка в руке дрожит.

— Молчит он, конечно молчит. Боится даже заговорить об этаким безобразии. У вас как-никак шестеро по лавкам и вон с животом Аля ваша. Без слез теперь и не взглянешь.

— Богатый двор, жаль будет если выкосит такое богатство под корень.

— Тьфу на тебя, скажешь тоже.

— Посторонись, бабоньки! — через толпу пробирались казаки на конях.

— Хоть бы спешились, окаянные.

— Христа на вас нету.

— Митяй, и ты тут. Принесла нелегкая.

— Ой, проказник. Опять сегодня на кого глаз положишь. Гарцует тут.

— На тебя и положу, чего выбирать, — Митяй картинно подкрутил рыжие усы, залихватски подбоченился и гаркнул так, что весь базар слышал: — Садись, подвезу.

— Да ну тебя.

— Какой охальник. Нет чтоб Анютку нашу уважить — вон глазки потупила. И не отворачивайся, дура. Стесняется она.

— Анька у нас святая, не трожь.

— Ой, Митяй. Никак застыдился? — бабы прыснули.

— Мы на заставу опаздываем, — сурово напомнил Аглай.

Приторное беспокойство повисло над заставой.

— Митяй, слышал, что говорят: чума.

— Ты больше слушай. Бабы сплетни.

— А что, если не сплетни, — посерьезнел Аглай. — Тикать надо отсюда пока не поздно. Всем тикать.

Митяй сжал зубами соломинку, помедлил и выплюнул:

— От смерти не убежишь. Все равно наступит.

Утром через заставу проходил обоз из города. Стеклообразные банки, тюки, дети — все спешно погруженное по телегам бесформенными горами. На перепуганных лицах загаилась надежда.

— Куда? — спрашивал хмуро, но подчеркнуто беспечно Митяй.

— Куда-нибудь за Урал. Так надежнее.

— Хм. Ну-ну, — говорил Митяй в ответ.

Поодаль на краю дороги стояли два купца и переговаривались.

— Ты теперь куда путь держать станешь?

— Да со всем семейством в Сибирь, на промысел пойдем — что поделаешь.

— Верно, а я своих увезу, а сам вернусь. По делам. Как раз все уляжется.

Вечером Митяй сидел за столом и размеренно пил квас из деревянной кружки, по обыкновению смакуя каждый глоток, когда дверь распахнулась и в комнату вбежала Анютка.

Митяй аж привстал:

— Ты как тут взялась?

— Батька, мамка сегодня заболели. Помоги! Митя! Спаси! — Анютка обняла его робко и крепко. — Я боюсь! — Нет, она не заплакала, но тело ее сотрясалось, будто от безудержных рыданий. — Я к тебе пришла.

Она все решила, и только робость и трепет выдавали ее вопрошающую надежду. И эта безграничная доверчивая мольба во взгляде больших карих глаз и несдерживаемый восторг щенячьей преданности. Они дурманили.

— Увези меня отсюда. Пожалуйста. Я знаю, ты можешь! Только ты один.

— Постой, Анют, а как же дочерний долг... — попробовал образумить ее Митяй.

— Нет, не могу я больше тут оставаться — страх за себя сильнее. Хоть секи. И не уговаривай. Я с тобой хочу. Не могу я больше оставаться в чумном этом месте. Не сможешь — так одна убегу в лес. Только знаю — ты не такой, ты сможешь.

— Пойдем, — тихо сказал Митяй.

Утром Аглай зашел в комнату, взял в руки недопитую кружку кваса, внимательно осмотрел ее, будто что-то пытаясь прознать, и пошел к привязи.

Коня Митяя на месте не оказалось.

Отгиски копыт были глубокие — вдвоем скакали, но не спешили, и в русле ручья след потерялся.

— Вот хитрец! Знает, что нельзя. Ну хоть бы предупредил. Что я, не человек что ли.

На видном месте Аглай заметил аккуратно привязанный ремешком к кусту

кисет с вложенной люлькой — его давний подарок Митяю. Табака в нем не было — его Митяй весь пересыпал в карманы и взял с собой, чтоб потом скурить.

— Не смог не попрощаться, — улыбнулся Аглай и добавил, пристально смотря на ветку: — Извинения приняты. Не ровен час на заставе и не такой беспорядок начнется.

На подъезде к заставе Аглая разбил кашель.

Аля долго не открывала ворота. Наконец подошла:

— Что? Да хоть повалите их — не открою. Чума у нас в хате.

— Дочка, открой.

Перед ней стоял батюшка Серафим:

— Есть кто живой?

— Нет никого. И отец не ровен час преставится.

— Причаститься? Исповедаться?

— Нет. Сами позовем, если попросит.

— А мы церковь новую строим. Все кто живые есть. Вот построим и спасемся.

Имени святого исцелителя Николая...

Аля не дослушала и захлопнула ворота. Пошла к отцу.

Он был уже совсем плох. Даже не метался и не харкал кровью и гноем. А только спокойно и истощенно лежал. Обманчиво казалось, что ему становится лучше.

Аля подошла, присела рядом, тронула за рукав.

Батя устало открыл глаза и шевельнул губами.

Дочь наклонилась, чтоб разобрать, что он шепчет.

— Аля, сознайся, кто. Мне легче будет.

— Митяй, — сжалилась Аля.

— Я знал, — попробовал улыбнуться отец.

— Не думала, что когда-то скажу тебе.

— Ты у меня умница. Все будет хорошо.

И он умер. Аля перекрестилась, взяла лопату и пошла во двор.

Анютка с Митяем далеко забралась в лес. Разожгли костер. Сидели возле него, грелись, рассуждали как жить будут потом, после чумы. Митяй скрутил волглый — уже пожухлый, но все еще мягкий на ощупь — лист березы, набил табаком, дымил, а Анюта прижималась к нему и понимала, что вот оно, счастье, тут, рядом. И больше никого ей не надо боле. Митяй не противился. Ему было хорошо.

На третий день к вечеру вдвоем они сидели у костра в глуши, у самодельного жердяного шалаша, наспех выстланного ветками, и пили свежий травяной чай, потягивая его, горячий, шумно и с наслаждением. Теплый ветер чуть шевелил листву, конь, привязанный поодаль, переминался из стороны в сторону и обгладывал с близстоящих деревьев листья. Аня раскраснелась вся, на лбу выступил пот, глаза озорно поблескивали. Митяй смотрел на потрескивающий костер, мельком подумал о том, как утром сходит осмотрил расставленные на зайца силки, и улыбнулся в усы. Посмотрел на Аню, та была как в лихорадке и судорожно ему тараторила о том, как безумно его любит, и что как было бы здорово завтра ни свет ни заря сесть на коня и скакать куда глаза глядят.

Митяй пристально посмотрел в широко раскрытые глаза Анютки. Такие милые и живые с многочисленными отблесками костра. Он отказывался верить в то, что чума все-таки настигла их. Поцеловал. Анютка горячо его обхватила за плечи, потом за пояс и судорожно повлекла под жердяной навес. Митяй поддался и растворился в приятном женском тепле.

Утром он никуда не пошел. Сидел возле Ани, которую то колотило, то она рвалась к нему, то вырывалась и бежала домой, к родителям, и Митяй догонял ее и уволакивал снова в шалаш, или садил к костру, поил чаем и ее и себя. Она то бледнела, то серела, то неистово кашляла, то снова розовела и завывала на весь лес. Он не спал возле нее несколько ночей. Наконец она вдруг забылась и вроде бы уснула.

Митяй сходил до силка, принес зайца. Наклонился над трепыхающейся Аниной грудью. Живая. Облегченно выдохнул и стал остервенело сдирать шкуру с зайца. Было жарко. Закопал тушку в остывающие угли. Стемнело. Звезды металась по небу странным неистовым водоворотом. Ему показалось, что Аня уже мертва, и он в приступе отчаяния стал бегать по лесу, кричать, звать на помощь, и ругать себя. Понял, что руки горят, обожженные в углях, пошел до ручья. Не дошел, упал и забился в припадке. Метнулся назад, к Ане, к закопанному кролику, откопал, вцепился зубами в сырое мясо. Съел. Остервенело грыз кости, хрящи, сухожилия. Потроха и шкуру — съел. Стало вдруг холодно и хорошо. Сознание затуманилось, и глаза тяжело закрылись.

Вскорости Митяй вернулся на обезлюдевшую заставу. Над крышами домов возвышалась новехонькая деревянная церковь. С минуту полубовался. И пошел до нее молиться.

Миновал кладбище со свежими березовыми крестами, приблизился к крыльцу. Встретил на пороге отца Серафима. Тот его по-отечески обнял и ничего не стал говорить.

— Она умерла. Я ее пытался выходить, но она все равно умерла. Когда я в лесу сам пришел в себя от болезни, она, ее тело, смиренно лежало рядом.

— Зайди, помолись за нее. Свечку поставь. Как ее звали?

— Аня.

— За рабу Божию Анну.

Помолчал и добавил:

— И за исцеление Господа поблагодари.

Алю он узнал со спины. Она стояла у столика с восемью зажженными свечами и молилась. Он поставил рядом свою. Одну. И они вдвоем долго молча стояли, смотря на образа.

— Митя, пошли домой, — сказала Аля, когда они наконец посмотрели друг на друга.

Покинули церковь молча. Отец Серафим перекрестил их со спины и пошел ужинать.

— Я самовар завела. На шишках сосновых. Чаю попьем. Я пироги напекла, — улыбнулась Аля и, придерживая низ живота, сдержанно добавила: — А тебе, Митяй, роды чую придется принять: рожаю я.

— Шутишь?

— Чего так побледнел-то? Не шучу. Вот и чай горячий пригодится.